

РАСКОПКИ ЕЛОВСКОГО II МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В 1979-1981 ГОДАХ

Для меня писать статью в юбилейный сборник непростое дело. Тем более, что он посвящен юбилею известного археолога Валерия Валентиновича Евдокимова, по работам которого я знакомился с археологией эпохи бронзы Казахстана. Хотелось бы сказать «учился», но это будет нечестно. Я отдал свое сердце археологии Сибири, поэтому и изучал ее, а с археологией сопредельных территорий, к стыду своему, только знакомился. И мне далеко до уровня настоящих специалистов по археологии степей Казахстана. Получив приглашение на подготовку статьи в юбилейный сборник, я первоначально хотел написать о хорошо знакомой мне этноархеологии, которой я занимаюсь последние 15-20 лет, и возможности использования картографических источников конца XVII – начала XVIII века в изучении казахстанских древностей. Но, потом мне показалось, что юбиляру было бы интереснее прочитать что-нибудь об эпохе бронзы, где он является корифеем, и я обратился к материалам В.И. Матющенко о раскопках чудесного памятника — Еловского II могильника, некоторые из них не вошли в публикации. Немалую роль в выборе темы сыграл и тот факт, что этим материалам есть аналогии в археологии бегазы-дандыбаевской культуры.

Известно, что в районе д. Еловка Кожевниковского района Томской области на левом берегу обской протоки Симан находится комплекс памятников, включающий в себя поселение и два могильника эпохи поздней бронзы, а также могильник средневековый и небольшое неолитическое местонахождение (рис. 1). К сожалению, на этом опубликованном им плане неолитическое местонахождение В.И. Матющенко не отметил.

Сам же могильник — Еловский II — о котором и пойдет речь, состоит из двух частей — курганного могильника ирменского времени, найденного В.И. Матющенко, и находящегося рядом грунтового могильника, на дневной поверхности абсолютно невидимого. Сводный план раскопов, сделанный Владимиром Ивановичем, показывает размеры памятника (рис. 2). Д.П. Славнин, участник его экспедиции, прогуливаясь как-то по берегу, увидел в осыпи мелкие человеческие кости. В этом месте был заложен раскоп, и с него начались раскопки крупнейшего в Сибири могильника андроновского, еловского и ирменского времени. В конце 1960–1970 годов этот памятник постоянно привлекал к себе внимание многих археологов, его материалы были свежи, а дискуссии вокруг них были остры и необычайно интересны. Можно выделить два этапа работы В.И. Матющенко на могильнике — до 1974 года включительно, когда он работал в ТГУ, и в 1979-1981 годах, когда он приезжал на раскопки из Омска. В настоящее время большая часть грунтовых могил исследована, но предполагается, что они продолжают в направлении деревни к северо-востоку от раскопа.

Об этом, последнем периоде, и пойдет речь. В те годы студенты В.И. Матющенко, в том числе и я, занимались Еловкой постоянно; некоторые, может быть, и бредили ей. Доклады на спецсеминарах, курсовые работы, дипломы, выступления на Региональной археологической студенческой конференции студентов Сибири и Дальнего Востока многих из них были основаны на еловских материалах. Эти интересные и яркие материалы, каждый год новые, необычные, будили воображение и научный азарт не только студентов-омичей. Они интересовали и археологов, в том числе (а может, и в первую очередь) и

«взрослых». Типология керамики, динамика погребального обряда, соотношение «андрона» и «еловки», «самуся» и «еловки», «еловки северной» и «южной» (сейчас это корчажкинская культура), датировка памятника и его отдельных частей, процесс его формирования — всё это было предметом для жарких дискуссий и длительного обсуждения. В раскопках постоянно участвовали студенты, специализирующиеся по археологии, а также первокурсники, проходящие археологическую практику. В 1979 и 1980 году для снятия балласта применяли технику — бульдозер С-100 или ему подобные. В 1981 году от этого отказались, так как в черноземе стали встречаться могилы, а также многочисленные фрагменты керамики, иногда целые сосуды, изредка бронзовые изделия; их всегда рисовали и фотографировали. В точках пересечения линий квадратов измеряли мощность слоя от дневной поверхности до материка, что позволило рассмотреть впоследствии соотношение могил и участков чернозема повышенной мощности, а также поставить вопрос о приношениях к могилам, оставленных создателями могильника на древней дневной поверхности.

Атрибутируя материалы, можно было проводить аналогии и с таежными, и с лесостепными территориями, и даже с культурами Казахстана. Именно тогда я, студент-второкурсник, услышал впервые о бегазы-дандыбаевской культуре, название которой записал, и учился выговаривать почти целый день. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Виктора Новоженова, в те годы студента КарГУ, приславшего мне книгу А.Х. Маргулана об этой культуре. Похоже, что в Омске было две такие книги: одна у меня, другая у Владимира Ивановича.

Но вернемся к Еловке. Долгое время мой учитель материалы раскопок конца 1970—начала 1980 годов практически не трогал. Он публиковал книги о Ростовкинском могильнике (Матющенко, Синицына, 1988), о памятниках на Татарском увале (Матющенко, Полеводов, 1994), о Сидоровском кургане (Матющенко, Татаурова, 1997), об археологических микрорайонах (Нижнетарский археологический микрорайон, 2001), истории сибирской археологии (Матющенко, 2001). А описывать и анализировать еловские материалы по его плану должен был коллектив авторов — аспирантов Владимира Ивановича, естественно под его руководством. Задумка Владимира Ивановича не удалась. Но к андроновско-еловско-ирменской проблематике он вернулся только более чем через двадцать лет после окончания раскопок, подготовив и опубликовав три книги (Матющенко, 2001, 2004, 2006).

Общая площадь раскопа за три года солидна — около 12000 кв. м.

Естественно, что сухие строки монографий не передают той атмосферы надежд и разочарований, радостей находок и обманутых ожиданий, но кое-что сохранилось в дневниках. Они, как и все прочие полевые материалы и отчеты, хранятся в фонде № 2 Музея археологии и этнографии ОмГУ (1979 год — дела №№ 17 — 1-3; 1980 год — дела №№ 24 — 1-5; 1981 год — дела №№ 28 — 1-7), к которым мы и перейдем.

В 1979 году раскопки велись на широкой площади; в среднем в год раскапывали примерно 4000 кв. м площади памятника и около сотни могил. На раскопе работало около 50-60 человек. Для удобства руководства ходом работ все были разбиты на бригады, которыми руководил студент-старшекурсник, которого звали бригадиром (после выхода в свет телесериала Алексея Сидорова «Бригада» эти слова приобрели иной оттенок и смысл, но из песни слова не выкинешь). Поскольку чернозем на всей площади раскопа был снят бульдозером почти до материка, то на долю раскопщиков выпадала выборка неглубокого штыка и последующая зачистка. Затем бригадир фиксировал пятна, и кто-то начинал с ними работать. Снятие слоя бульдозером было возможно из-за того, что все могилы были впущены в материк, и в черноземе не было никаких находок, можно

заметить, что могилы сгруппированы (рис. 3).

Владимир Иванович иногда говорил о поисках ранней части могильника, признаками которой он считал андроновские могилы в материке, и могилы, содержащие костяки, похороненные по обряду труположения вытянуто на спине, которые ему хотелось бы соотнести с самусьскими. У костра время от времени возникали разговоры о том, что хорошо бы найти самусьскую, или самусьско-андоновскую могилу, что подтвердило бы концепцию В.И. Матющенко о формировании еловской культуры. За находку самусьских артефактов была обещана премия в виде сгущенки, и вот однажды умельцы, отварив древнюю конскую бабку в кипятке, вырезали на ней «самусьскую» личину, свежие надрезы «состарили», а затем подкинули изделие в какую-то могилу. В конце-концов, Владимир Иванович с подлогом разобрался. Было заметно, что он расстроился, хотя старался вида не подавать. Однако больше так не шутили. Но, как, ни удивительно, что-то «самусоидное» нашлось, причем на самом краю террасы, где и предполагалась древняя часть: в могиле 202 — горшок с орнаментом, выполненным гребенкой с легким отступанием, в могиле 205 — сосуд с четырехугольным устьем, у него на дне был виден орнамент, нанесенный в отступающей технике, и открытая банка. Отношение этих могил к самусьской культуре, на мой взгляд, не бесспорно. Но так было. К сожалению, в публикации В.И. Матющенко есть небольшие неточности, допущенные художником: это не совсем правильное изображение техники нанесения орнамента и количества вдавлений в верхнем ряду второй сверху группы зигзагов на сосуде из могилы 202 (рис. 4), и немного уменьшенные размеры открытой банки в могиле 205 (рис. 5). Но, в принципе, это не слишком существенно.

Итак, в 1979 году была найдена наиболее старая часть могильника, которая, как предполагалось, была связана с самусьской культурой, подтвердилось мнение о расположении могил группами.

В 1980 году работы были продолжены в разных частях могильника, и сразу стали попадаться необычные находки. Начнем с керамики необычного для еловки облика, которую В.И. Матющенко соотнес с посудой эпохи бронзы Центрального Казахстана — бегазы-дандыбаевской (рис. 6). Эта посуда находилась в могилах с еловской керамикой. Впоследствии оказалось, что полного совпадения нет. Были совпадения по мотивам орнамента, технике нанесения или по форме сосуда. Когда, через более чем 10 лет соотнесли такую посуду с полом и возрастом погребенных, оказалось, что почти половина ее была найдена в детских могилах. Но керамический пласт был интересен и заставил вновь рассмотреть посуду памятников Бегазы, Дандыбай, материалы раскопок в районе Шульбинской ГЭС, а также могильника Старый сад в Барабе.

Другой интересный материал — могилы, окруженные глубокими ровиками подквадратной формы (рис. 7). Они концентрировались в притеррасной части памятника к юго-западу от раскопа 1979 года. Могилы были практически безынвентарные. Правда, иногда в их районе встречались артефакты переходного от бронзы к раннему железному веку облика. На проводимой тогда в экспедиции регулярной летней конференции, которая называлась «антинаучной», поскольку можно было высказывать любую гипотезу, не заботясь особо о ее доказательствах, было сразу же высказано несколько гипотез.

В целом же, шел отличный еловский материал: в могилах было много керамики, бронзы, иногда свыше трех десятков бронзовых изделий. Костяки людей великолепно сохранялись в плотном суглинке. Так, пару раз неопиты-практиканты, оставленные на небольшое время без надзора, не могли разрубить кости с двух-трех ударов лопаты. Вот такие они были крепкие.

Итак, 1980 год принес посуду, похожую на казахстанскую, могилы с

ровиками и массу отличного материала бронзового времени. Ну а керамика в могилах была абсолютно целая, очень красивая, со сложным орнаментом. Помню, что бригадиры много времени ее рисовали в полевых дневниках (рис. 8).

В 1981 раскопки могильника были продолжены, но уже без привлечения техники, так как в слое надмогильного чернозема стали встречаться многочисленные находки предметов, а также могилы.

Из нового в методике можно отметить снятие стратиграфии в точках пересечения линий квадратов (рис. 9) для изучения соотношения могил и толщины чернозема. К сожалению, нивелировки сделано не было, поэтому за нулевую линию при анализе этих данных брали уровень материка, который, судя по наблюдениям, располагался практически горизонтально. Для выяснения этого обстоятельства было проведено изучение мощности почв с помощью ручного геологического бура на Еловском поселении, вдоль террасы, а также в местах, где точно не было культурных объектов.

В конце концов, эти работы позволили объяснить феномен «курганов» в грунтовой части Еловского II могильника. Это было связано и с процессами формирования почвы в голоцене, и с распашкой территории могильника под табачное поле.

Что касается почвы, то она казалась перенасыщенной керамикой, особенно в прибрежных участках. На плане не хватало места, чтобы наносить места расположения фрагментов, каждый из которых фиксировали (рис. 10) на всех четырех штыках. Подавляющее большинство посуды было ирменской.

В могилах встречалось множество бронз, по которым можно было проводить реконструкции. Такие вещи фотографировали, а потом рисовали в натуральную величину (рис. 11). Бронзы было столь много, что мелкие изделия уже не вызывали интереса. Всем надо было искать крупные предметы — ножи, кинжалы, или большие квадратные зеркала. В конце экспедиции произошел курьезный случай. Заметили, что одна девушка засовывала кинжал в стенку раскопа, объяснив свой поступок тем, что сезон заканчивается, времени копать новую могилу уже нет. Ну а кинжал выкопали бы на следующий год. Могилы же, конечно, раскопали. Попутно замечу, что сейчас мелкие изделия из бронзы, например, пистонные бляхи толщиной менее 1 миллиметра начали «сыпаться».

Возле могил были расчищены ямы, в которых находили керамику, обработанный камень (обтесанный кусок гранита, который, если включить фантазию, напоминал голову рыбы). Иногда ямы были пустые. Один раз на дне ямы площадью почти 4 кв. м был найден фрагмент керамики величиной с ноготь мизинца.

Итак, 1981 год — массовые находки керамики в черноземе, ямы с находками и без них, могилы, не впущенные в материк. Предполагалось, что они были сооружены на древней дневной поверхности, и затем обложены дерном. Затем они еще были присыпаны почвой, навеваемой ветром. Было подсчитано, что этот слой мог быть толщиной до 60-80 см, а то и больше. Было найдено также множество бронз и керамических сосудов.

Уезжая из Еловки, все были уверены, что в следующем, 1982 году, раскопки могильника будут продолжены, но этого, к сожалению, не случилось. Следующий год был посвящен раскопкам Еловского поселения, потом городища Мурлинки, потом поселения Новотроицкое (его копал с практикой А.Я. Труфанов) и т.д. Почему-то так случилось, что руки у В.И. Матющенко до Еловки не доходили, хотя специалисты из многих городов приезжали знакомиться с коллекцией, отчетами и полевыми документами. Интерес к памятнику был, а потом постепенно затух.

А в заключении скажу, что часто оказывается так, что автор раскопок не успевает опубликовать и обработать все полученные им материалы и коллекции,

которые сохраняются в архивах и хранилищах. Поэтому желаю Валерию Валентиновичу долгих лет, плодотворной работы, удачи в раскопках. Желаю ему, чтобы он обработал, опубликовал все свои ранее раскопанные материалы, а также нашел и изучил множество новых.

Счастья, успехов, удачи и крепкого здоровья Вам, Валерий Валентинович!

ЛИТЕРАТУРА

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск, 1988. – 136 с.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск, 1994. – 223 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск, 1997. – 197 с.

Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Т .1. – Омск, 2001. – 179 с.; Т .2. – Омск, 2001. – 173 с.

Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск, 2001. – 256 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. – Омск, 2001. – 62 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск, 2004. – 468 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. – Омск, 2006. – 120 с.

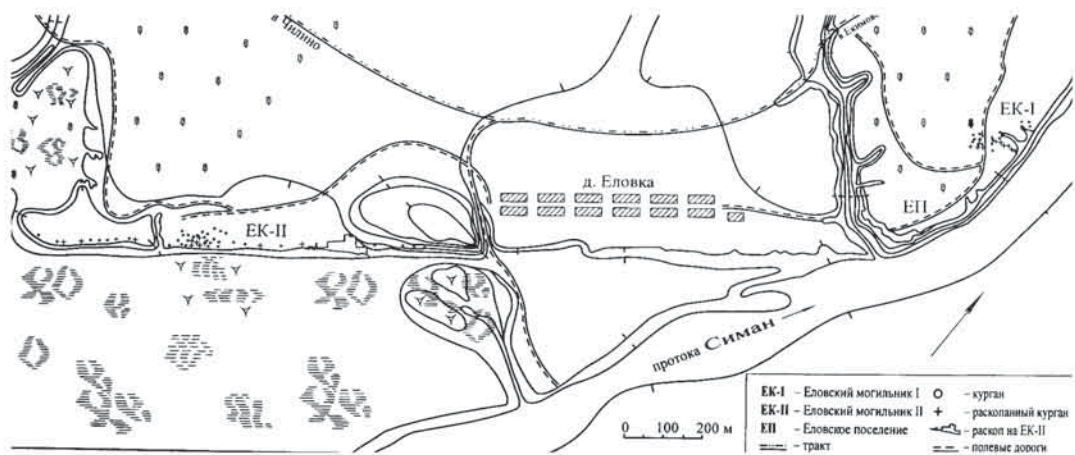

Рис. 1. Ситуационный план расположения памятников у д. Еловка

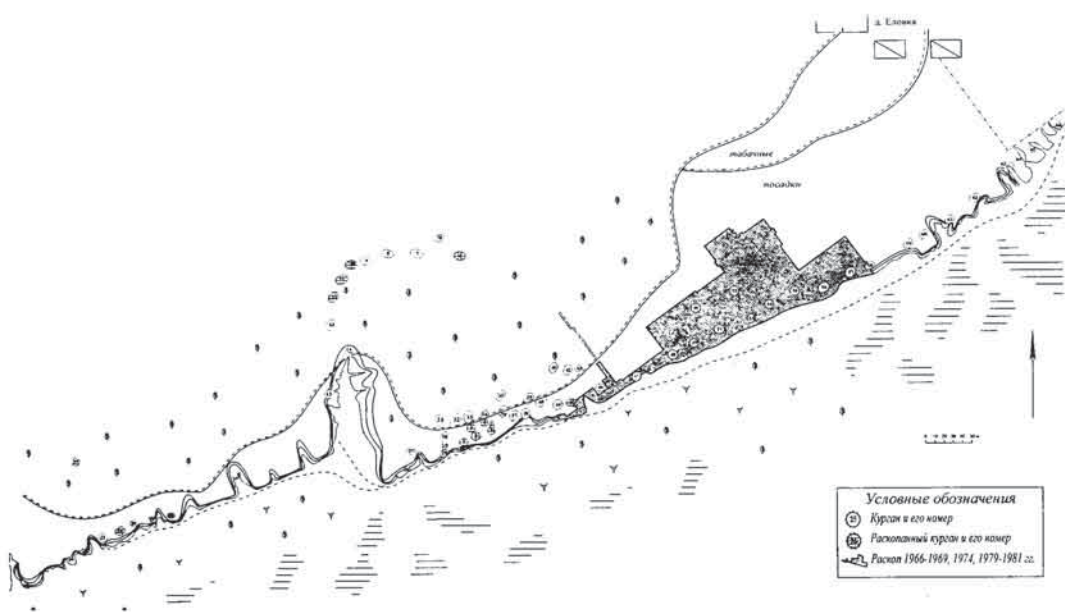

Рис. 2. План Еловского II могильника

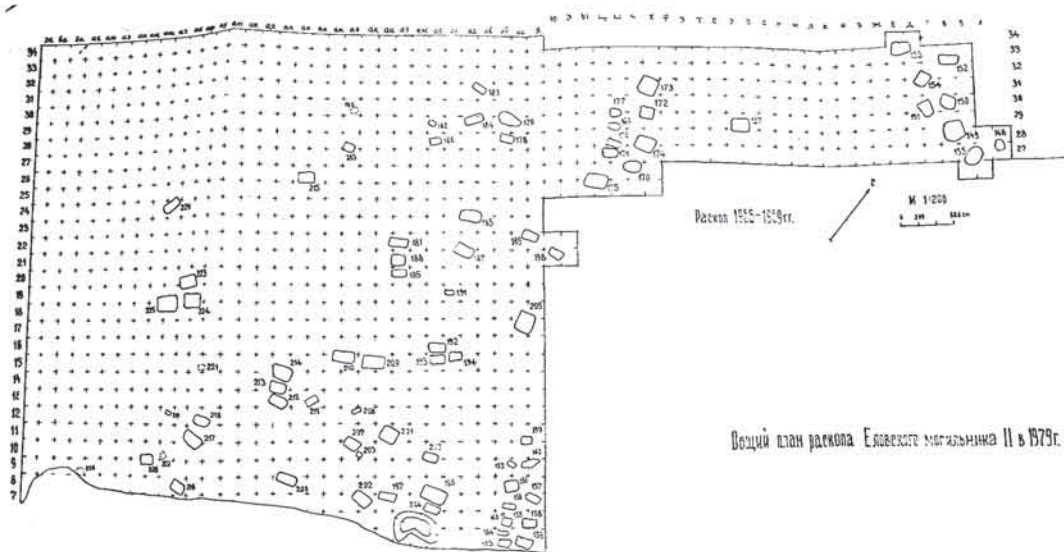

Рис. 3. План раскопа 1979 Еловского II могильника

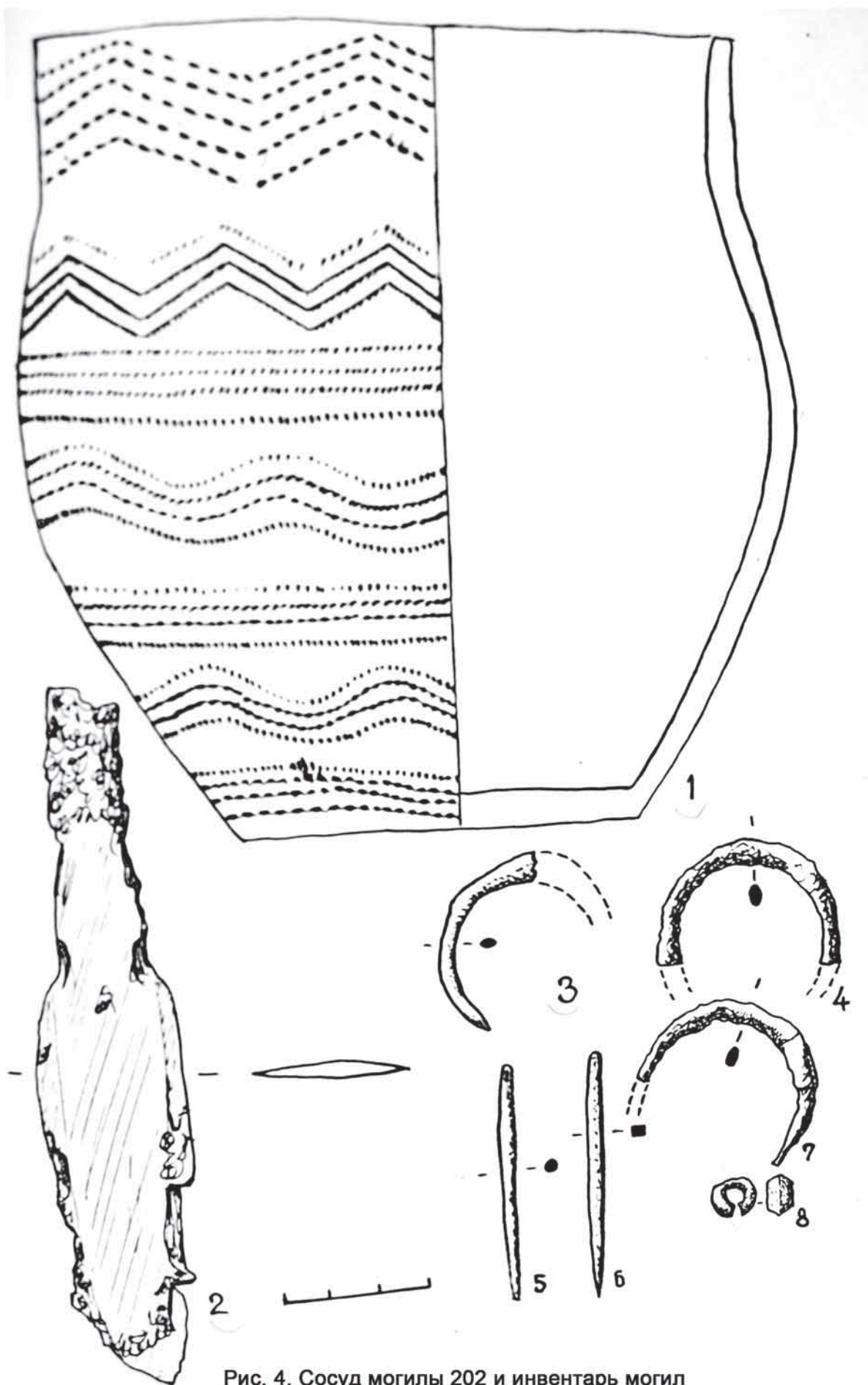

Рис. 4. Сосуд могилы 202 и инвентарь могил

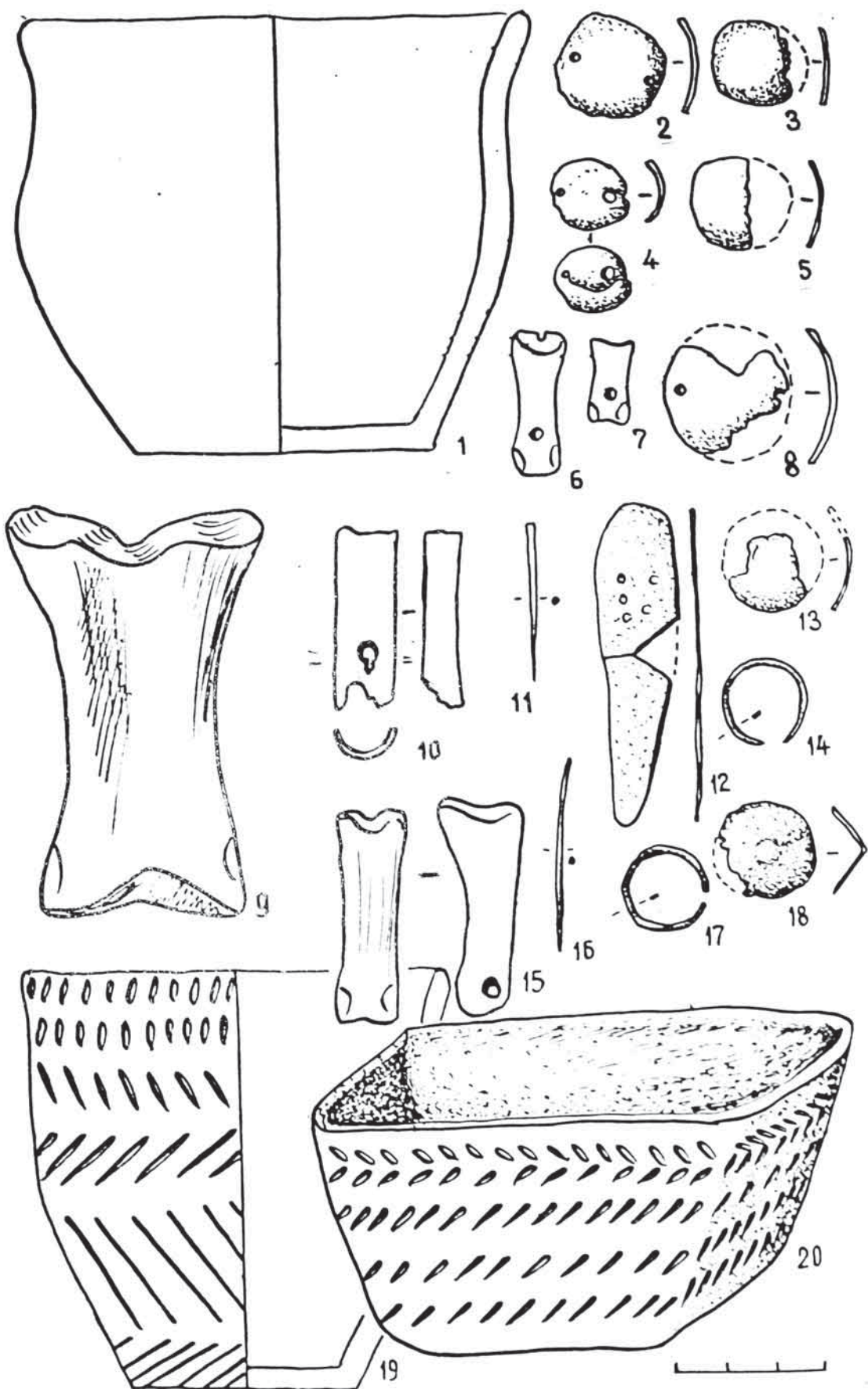

Рис. 5. Сосуды могилы 205 и инвентарь могил

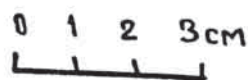
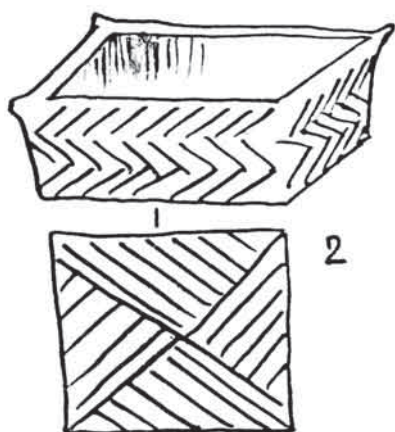
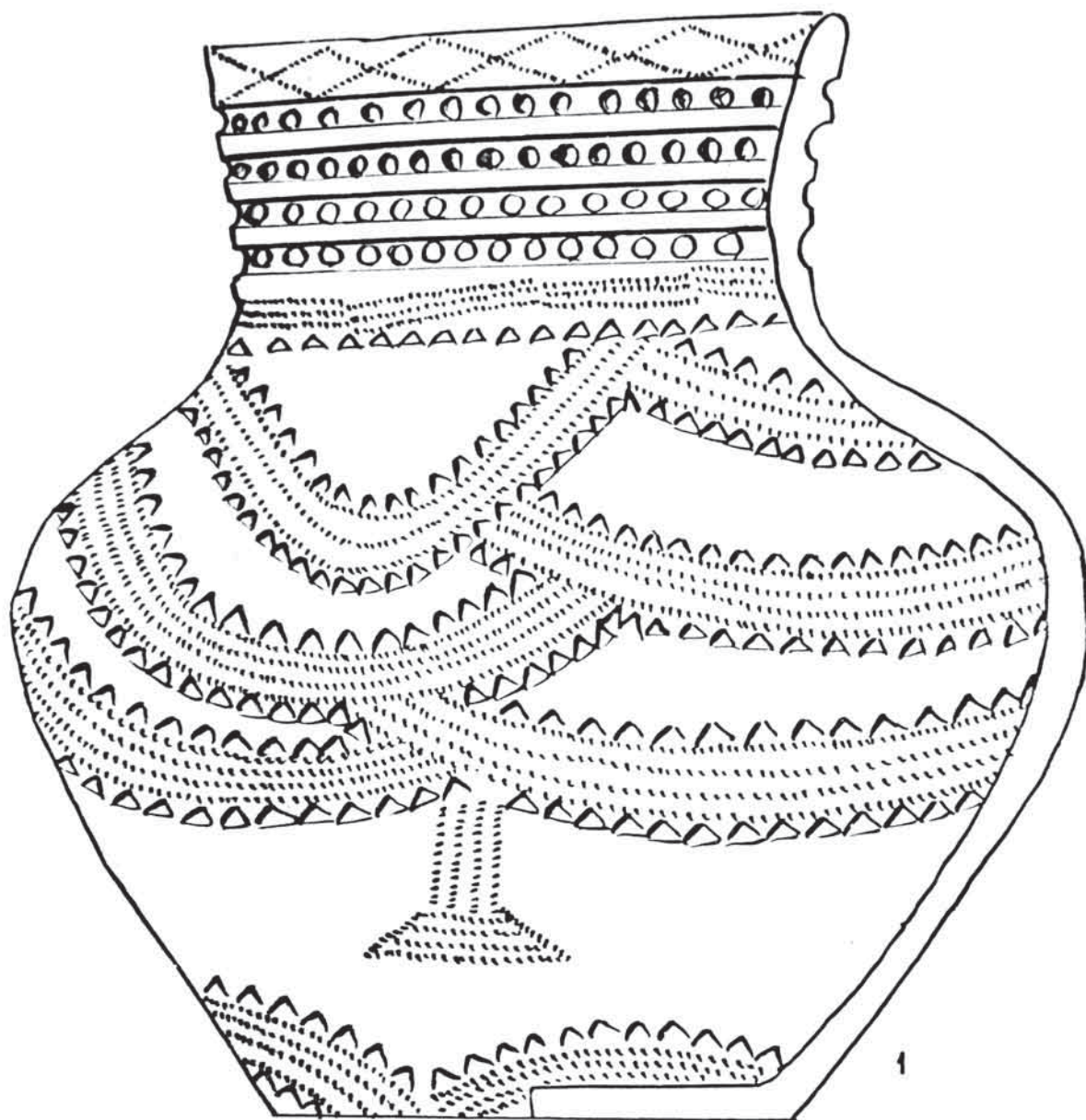

Рис. 6. Керамические сосуды

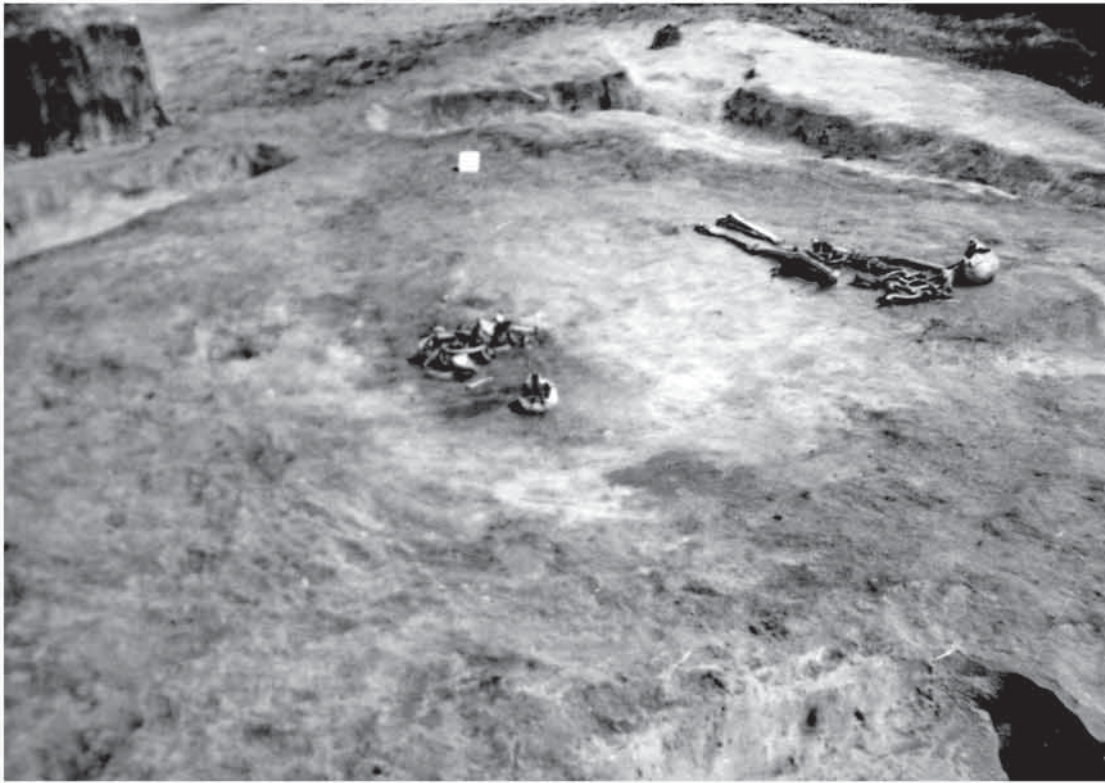

Рис. 7. Могилы с ровиками

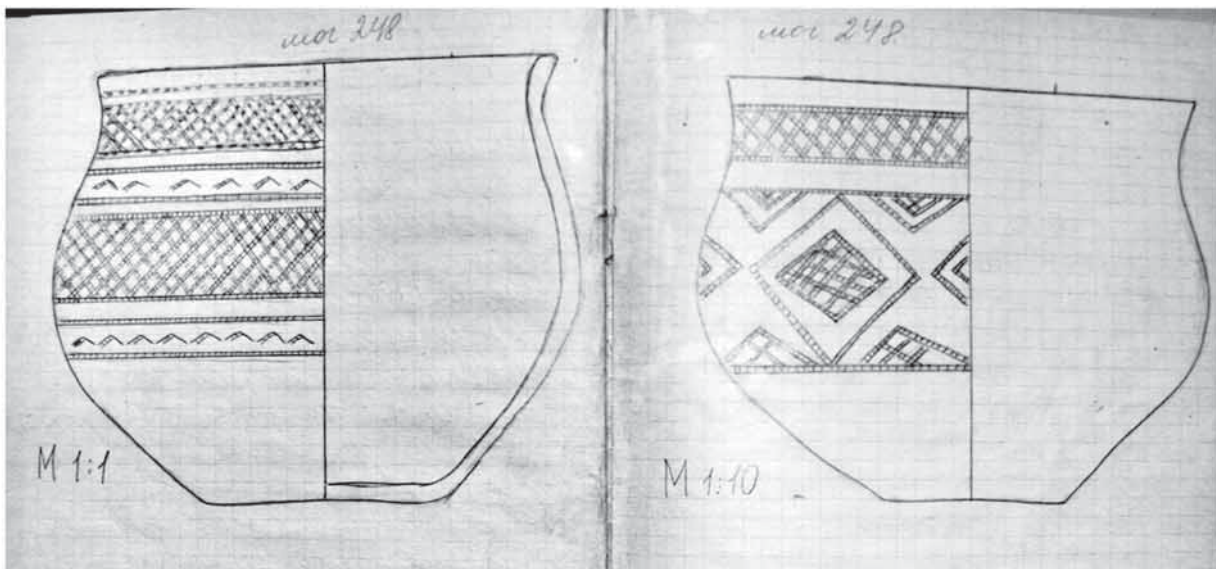

Рис 8. Керамика из раскопок 1980 года

двухм. поверхности обнаружены куски сильно обветренной глины. Связи ее не удалось из-за плохой сохранности. Куски глины разноцветны в зависимости, за исключением их различия цвета на поверхности. Ориентировочный размер 10x15 см.

2. В точке №2226, урл: 25x8, с'т: 222, п'р: 2229. Остатки стратиграфии. Включены 1, 2, 3, 4 и 5 габриццо.

3. В сл. №2227 глубина 15 см от поверхности обнаружены фрагменты кирпича, яму диаметром 1x1.

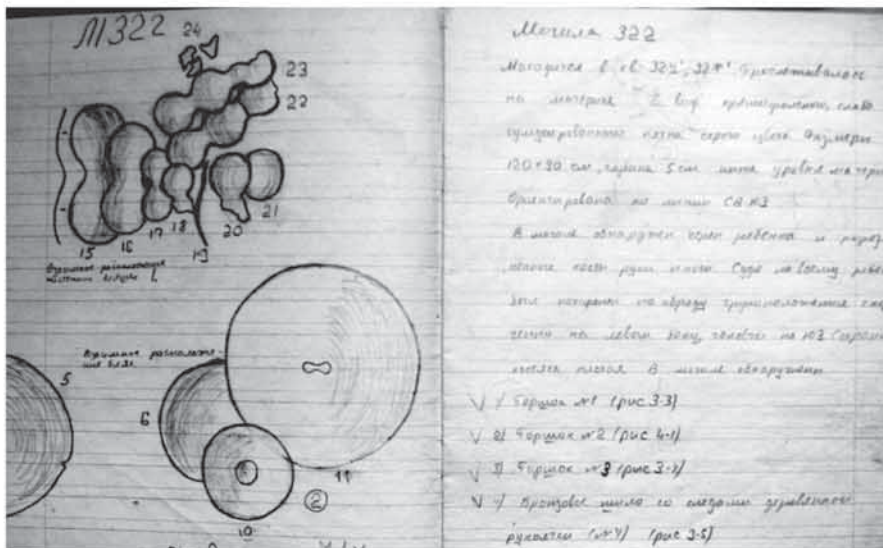
4. В сл. №2228 обнаружены фрагменты глины №2. (рис. 5) Сохранность хорошая. Глина явилась на уровне материка.

Рис 9. Пример стратиграфии участков могильника

на поверхности и вблизи поверхности обнаружены в пределах ширины фрагменты керамики, в основном обветренная на поверхности и вблизи, частично и на глубине. Среди керамики найдены (фрагменты, обломки и фрагменты) и другие. Вид раскопки на уровне поверхности обнаружены фрагменты керамики, найденные в рис. 2, 3, в сл. №18 в глубине на уровне поверхности. Наиболее крупные на поверхности обломки найдены в сл. №18, №19, №18, №19. Среди обнаруженных обломков (сб. №23 ур. 1) в сл. №18 обнаружены фрагменты керамики.

Рис 10. Керамика, найденная в слое чернозема в 1981 году

Монета 322

Монета в сб. 322, 328. Ориентирована на материк. В сб. ориентирована в сторону материка. Диаметр 120x30 мм, высота 5 мм. Углубление на поверхности. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ.

В монете обнаружены следы раскопки и повреждения. Монета имеет следы коррозии. Следы коррозии видны на поверхности. Монета имеет следы коррозии. Следы коррозии видны на поверхности. Монета имеет следы коррозии. Следы коррозии видны на поверхности.

- ✓ 1. Фрагмент №1 (рис. 3-3)
- ✓ 2. Фрагмент №2 (рис. 4-1)
- ✓ 3. Фрагмент №3 (рис. 3-1)
- ✓ 4. Фрагмент №4 со следом коррозии (рис. 3-5)

Рис 11. Пример рисунка скопления бронзы